

УДК 94:325.111(574)

М.Ю. Ким

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КАРАГАНДИНСКОМ УГОЛЬНОМ БАСЕЙНЕ В 1930-е гг.

Реконструированы социально-бытовые условия спецпереселенцев. Приведена численность контингента, рассмотрены жилищные условия, медицинское и культурное обслуживание, условия питания. Представлена повседневная жизнь спецпереселенческого поселка. На основе документов ОГПУ показано отношение спецпереселенцев к новым условиям жизни. Прослежено отношение власти к данной категории населения, которое менялось в течение рассматриваемого периода.

Ключевые слова: спецпереселенцы; Карагандинский угольный бассейн; индустриализация; медицина; питание; жилищные условия.

Освоение Карагандинского угольного бассейна в период форсированной индустриализации в 1930-е гг. требовало значительной концентрации рабочей силы в регионе. Обеспечить район необходимыми кадрами для трудоемкой угольной промышленности объективно власть была не в состоянии. В условиях хронического дефицита продовольствия, отсутствия благоустроенного жилья, полноценного медицинского обслуживания желающих остаться в карагандинском регионе было мало. Выход был найден с помощью принудительного труда. В начале 1930-х гг. государство приступило к выселению раскулаченных крестьян из центральных районов страны. Казахстан был определен как одно из мест кулацкой ссылки.

Переселение кулаков в республику было начато в 1930 г. К 29 августа этого года были переселены из Средней Азии в Казахстан 281 человек, внутри республики – 7 535 [1. С. 96]. Специальной комиссией, возглавляемой заместителем председателя совнаркома СССР А.А. Андреевым, 18 марта 1931 г. было принято решение в течение года дополнительно переселить в Казахстан еще 150 тыс. кулацких хозяйств, расселив их в районах бывшего Акмолинского и Каркаралинского округов. Однако уже в мае 1931 г. комиссия признала, что «ввиду технической невозможности переселения 150 тыс. кулацких семей в районы Казахстана признать возможным расселения в текущем году в первую очередь 56 тыс. кулацких семей» [2. С. 265–269]. В результате в течение 1930–1931 гг. в Казахстан было выслано 50 929 семей так называемых спецпереселенцев [3. С. 24].

В 1931 г. в Акмолинске было образовано управление спецпереселенцев при ОГПУ, которое состояло из пяти районных комендатур: Акмолинской, Карагандинской, Осакаровской, Таинчинской и Шортандинской. На территории Карагандинской области Акмолинская, Карагандинская и Осакаровская райкомендатуры объединяли 32 спецкомендатуры (32 спецпоселка). Первые спецпереселенцы прибыли в Карагандинскую область весной 1931 г. Согласно изученным материалам, география выселения была очень широкой. В Казахстан спецпереселенцы были высланы со всего Поволжья, а также из Центрально-Черноземной обла-

сти, Нижегородского края, Московской области и Средней Азии. Некоторые семьи были высланы внутри самого Казахстана [3. С. 17, 18]. Национальный состав спецпереселенцев был разнообразен: русские, украинцы, немцы, поляки, белорусы, татары, евреи, эстонцы, мордва, литовцы и др.

Переселение больших масс людей в Центральный Казахстан преследовало конкретную цель – освоение малообжитого района на востоке страны. Людей, как правило, выгружали в голой степи, где им предстояло обжиться, надеясь прежде всего на собственные силы. Первые поселки спецпереселенцев начали строить летом 1931 г., среди них были Новая-Тихоновка (№ 19, 23), Пришахтинск (№ 22), Май-Кудук (№ 21, 25) и Компанейский (№ 20, 24). Карагандинская группа спецпереселенческих поселков к концу 1931 г. насчитывала 59 078 человек [4. Л. 38].

Большинство спецпереселенцев были заняты в системе треста угольного бассейна. Однако до середины августа они трудились исключительно на строительстве поселков, в которых им предстояло проживать. В конце этого месяца на основании договоров, заключенных НКВД с хозяйственными субъектами, спецпереселенцы уже были широко задействованы в строительстве и на шахтах. К концу 1931 г. они уже составляли 40% рабочей силы угольного треста и около 60% от всех сотрудников строительного треста [5. Л. 10].

В отчете об основной деятельности треста «Карагандауголь» за 1932 г. отмечалось, что основным источником восполнения рабочей силы в Караганде служили спецпереселенческие поселки, расположенные вокруг Караганды. Из всего прироста рабсилы в количестве 6 833 чел. за счет казахов было набрано 2 060 человек, или 30%, и за счет спецпереселенцев 3 641 человек, или 53%, и остальной прирост – 17% – за счет «самотека» [6. Л. 5]. В 1934 г. половину всех рабочих угольного треста по-прежнему составляли спецпереселенцы [7. Л. 21]. Наибольшее число их было занято на шахте № 3/26 – 1 366 человек. На некоторых шахтах удельный вес спецпереселенцев среди рабочих составлял более 80% – шахты № 7, 19, 20. Они также были представлены и среди инженерно-технических работников. В 1934 г. из общего числа ИТР (510 чело-

век) 50 были спецпереселенцами [8. Л. 17]. Спецпереселенцы, благодаря своим трудовым качествам и многочисленности, сразу создавали основной костяк рабочих на предприятиях, где им приходилось трудиться.

В условиях труда и его оплаты они были приравнены к вольнонаемным работникам, но при этом не имели права вступать в профсоюз, с их зарплаты удерживали 5% (до августа 1931 г. – 25%, до февраля 1932 г. – 15%) на расходы, связанные с их административным обслуживанием [9. С. 62].

Первым вопросом, который требовал немедленного решения по прибытии спецпереселенцев, было обеспечение их жильем. Хозяйственные организации Казахстана, как не раз было отмечено в официальных документах ОГПУ, не были готовы к приему кулаков [10. С. 95]. Учитывая, в каком состоянии в начале десятилетия находилась ситуация со строительством крыши над головой для вольнонаемных сотрудников, заранее подготовить жилье для шестидесятитысячного контингента спецпереселенцев было фактически нереально. Поэтому все тяжести по жилищному обустройству всецело легли на плечи самих высланных.

Из докладной записки коменданта Май-Кудукского поселка становится известно, что работы по постройке жилья были начаты 6 августа 1931 г., когда на месте была найдена вода, необходимая для выделки самана. Выделка самана было делом новым как для руководителей стройки, так и для рабочих, в результате нормы постоянно не вырабатывались. Первые дома из самана были заложены 24 августа. К концу лета было заложено 80 таких домов. Руководство требовало до конца года построить 500, что было нереально в имеющихся условиях.

Не лучше была ситуация в других местах. В поселке Компанейск из запланированных 800 пятиквартирных домов к концу лета не было построено ни одного, в котором можно было жить. Насчитывалось 470 домов на разной стадии завершения. Затягивался процесс отделки домов в связи с отсутствием лесоматериала, дверей и оконных рам, а также дефицитом гужевого транспорта [11. Л. 9]. В Пришахтинском поселке из 200 запланированных домов было построено 92 на разной стадии завершения [12. Л. 11]. В Новотихоновском поселении, в котором планировалось к 1 сентября 1931 г. построить 1 000 домов (176 саманных, 24 глинобитных, 800 дерновых), было возведено только 417, которые не были полностью завершены: «На некоторых поставлены крыши – только стропила и очень малое количество обмазанных крыш. Дверей, печей, окон сделанных нет за отсутствием материала» [13. Л. 12].

Карагандинский райком партии телеграммой 11 сентября 1931 г. поставил в известность Крайком ВКП(б) о нехватке леса для строительства спецпереселенческих поселков. Райком планировал закончить кладку стен только к 15 сентября. Между тем к началу сентября строительство поселков для спецпереселенцев

было выполнено всего на 40%, поэтому рабочий день был увеличен до 12 часов [14. Л. 70].

Жилищное строительство, которое полностью легло на плечи спецпереселенцев в первый год их пребывания, не позволило к предстоящей зиме обеспечить всех крышей над головой. В результате жильем для многих высланных были землянки и всевозможные самодельные помещения вроде шалашей из железнодорожных щитов под открытым небом. Неготовность к приему спецпереселенцев на местах была особенностью их переселения.

Основными трудностями в строительстве поселков в первом году были: отсутствие специалистов, недостаток воды, оборудования и инструмента, а также гужевого транспорта. Следует учитывать депрессию ссыльных, отсутствие мотивации к труду. Комендант одного поселка также отмечал, что среди спецпереселенцев наблюдалась инертность масс, с которой комендатуре и техническому персоналу постоянно приходилось бороться [15. Л. 5]. Трудно ожидать энтузиазма от людей, которые совсем недавно имели дом, хозяйство и в одночасье всего лишились, став «врагами народа». Местные руководители относились к спецпереселенцам враждебно: «Мы имеем наличие огромных кадров разгромленного классового врага – кулачества, что накладывает свою печать на условия работы» [16. Л. 33]. Между тем спецпереселенцы не были принципиально иной категорией людей, как пыталась их выставить официальная пропаганда. В своем труде они не использовали принципиально новые технологии, многие из высланных были не богаче членов батрацко-бедняцких собраний. Принципиальным отличием от остальных крестьян, скорее всего, было их отношение к труду.

Тем не менее спецпереселенцы оставались для власти людьми с «сомнительным прошлым», но крайне необходимыми для осуществления индустриализации страны. Поэтому власть пыталась перевоспитать их, особенно молодежь. Каждой шахте, где были задействованы спецпереселенцы, профорганизациям выделяли средства на культурно-воспитательную работу. Однако, как свидетельствуют документы, культурное обслуживание постоянно проживающих при шахтах треста спецпереселенцев отсутствовало [17. Л. 10].

Определенная работа велась непосредственно в спецпоселках. В 1931 г. в пос. Новая Тихоновка был открыт клуб, при котором были организованы драматический, хоровой и музыкальный кружки. При клубе выпускалась стенгазета, здесь спецпереселенцы могли приобрести центральные газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Известия». В 1933 г. сеть политпросветучреждений в поселке увеличилась. Помимо клуба появились изба-читальня, четыре красных уголка, одна кинопередвижка, две библиотеки с количеством книг и брошюр 1 800 экземпляров, одно радио. Непосредственное культурное обслуживание в спецпоселках было возложено на горono. Однако партийные органы постоянно отмечали совершенно слабую орга-

низацию такой деятельности среди спецпереселенцев. Причины объяснялись отсутствием кадров: «идеологически выдержанных, политически грамотных лиц, знающих массовую работу» [17. Л. 9]. Отсутствие ответственности у горono, по мнению сотрудников ОГПУ, приводила к тому, что в культучреждениях не было в достаточном количестве оборудования и соответствующего инвентаря.

Сложной была ситуация с образованием и ликвидацией неграмотности среди спецпереселенцев. Дошкольное обучение в поселках включало 6 детских площадок, которые охватывали 400 человек. Организация и финансирование их осуществлялись хозяйственными организациями поселков. Средства на организацию процесса по ликбезу вплоть до 1933 г. не отпускались. Вся работа велась преимущественно на основе мобилизации общественности спецпоселков, в результате чего охват неграмотных и малограмотных достигал 50%. Главным недостатком школьного образования было отсутствие педагогических кадров, инвентаря и оборудования. В результате в 1933 г. обучением было охвачено 5 400 детей из 9 400 [17. Л. 10].

В итоге для полноценной политико-воспитательной работы требовались кадры, отпуск средств на ликбез, финансирование кружков, библиотек, клубов, избчитален, а также их оборудование. Для нормального обучения в школах требовались парты и доски, наглядные пособия, карты, глобусы и др. Шахты необходимо было укомплектовать культработниками и выделить специальные помещения для их деятельности.

Достаточно остро стоял вопрос питания спецпереселенцев. На почве недоедания за август 1931 г. в поселке Май-Кудук умерли 530 человек, в среднем ежедневно умирали до 15 человек в день, главным образом дети [11. Л. 9]. В связи с этим комендант поселка настоятельно просил срочно прислать картофель, крупы и т.п. В связи с недостаточным питанием росло недовольство в Пришахтинском поселке, где была та же ситуация. Нормы пайка постоянно не соблюдались, вместо мяса давали рыбу, вместо круп выдавали дополнительно муку. Еще хуже обстоял вопрос с детским питанием. Так, в Ново-Тихоновском поселке питанием было обеспечено 1 200 детей до трехлетнего возраста. На обед в большинстве случаев они получали лапшу с молоком, которое постоянно разбавляли водой в пропорции один к трем, иногда при наличии в это блюдо добавлялись жиры, другие «детские» продукты в поселок не отпускались.

Деятельность Центросоюза подверглась критике всеми комендантами спецпоселков. Продукты доставлялись несвоевременно, некоторые высылались по коммерческим ценам. К примеру, огурцы и картофель продавали по 1,5 рубля за килограмм, по 2 рубля – дыни и арбузы, но даже по таким невысоким ценам снабжающая организация была не в состоянии обеспечить регион овощами. Названные цены при отсутствии продуктов питания и других товаров вызывали недоволь-

ство среди населения, которое считало, что «Центросоюз сдирает шкуру лучше, чем какой-либо частник» [15. Л. 1].

За здоровьем спецконтингента в 1931 г. следила единственная больница, расположенная в пос. Новая Тихоновка, который располагался в двух палатках. Питание больных было недостаточным: в основном варились лапша и каша с молоком, других продуктов не было [13. Л. 14]. Санитарное состояние в больнице было на низком уровне, поскольку не было сменных простыней, одеял, белья. В результате среди больных были распространены вши. Отсутствовали в необходимом количестве лекарства для оказания помощи больным.

В связи с тяжелыми жилищными условиями, слабым питанием, неудовлетворительным положением с водоснабжением и отсутствием медицинской сети среди спецпереселенцев имелся ряд случаев заболеванием брюшного тифа. На конец лета 1931 г. с таким диагнозом в больнице уже находились 37 человек [13. Л. 13]. Однако заболевших было гораздо больше, поскольку охватить госпитализацией всех не было возможности. Местными властями принимались определенные меры для улучшения санитарной обстановки. Действовал банно-прачечный поезд, который обрабатывал спецпереселенцев. Комендант спецпоселка Новая-Тихоновка настоятельно просил перенести больницу в теплое помещение, улучшить питание и обеспечение необходимыми лекарствами. Комиссариатом здравоохранения Караганды в конце августа 1931 г. было предписано управлению кадров в декадный срок выслать в район двух врачей, Акмолинскому аптекоуправлению полностью удовлетворить все заявки на медикаменты, по договоренности с РККА прислать 10 палаток для госпитализации брюшнотифозных больных. Кроме того, решили провести 100%-ную вакцинацию и ряд других мероприятий, направленных на улучшение медико-санитарного состояния населения [18. Л. 94]. Такая забота о здоровье спецпереселенцев объяснялась необходимостью выполнения ими производственных показателей.

Спецпереселенцев старались закрепить к тем шахтам, которые территориально тяготели к тому или иному поселку. Появились спецпереселенческие шахты № 20, 7, 19, 15. При этом им запрещалось поселяться в рабочих пришахтных поселках, несмотря на то что спецпоселки находились на значительном расстоянии от многих шахт. Правда, были исключения, которые согласовывались между райкомендатурой и угольным трестом. Разрешалось проживать в бараках при шахтах в основном одиноким спецпереселенцам, которые трудились на аварийных работах, а также специалистам, высококвалифицированным рабочим и ударникам. Вместе с тем каждый подобный случай требовал согласования с органами ОГПУ. Например, в 1933 г. непосредственно в Караганде было позволено проживать 1 518 одиночкам и 328 семейным, которых поселяли в отдельные бараки [19. Л. 22]. Однако и здесь с целью

контроля над ними за счет треста организовывались отдельные комендатуры, которые устанавливали тот же твердый режим, как и в спецпереселенческих поселках. Постепенно с конца 1933 г. начали курсировать трудовые поезда, которые соединяли поселки с шахтами угольного бассейна.

В первые годы, ввиду кадрового голода, спецпереселенцы занимали большое число административных должностей: заведующие кирпичными заводами, складами, ларьками, прорабы, десятники. Такое положение вещей вызывало беспокойство среди партийных работников, которые видели в этом «опасность искривления ими партийных и правительственных директив, учитывая еще не изжитую вражду бывших кулаков к советской власти» [20. Л. 123]. В результате на закрытом заседании бюро Карагандинского горкома ВКП(б) 25 января 1933 г. было принято решение снять с работы спецпереселенцев, занимающих должности заведующих складом, магазином, кассиров и др.

Самовольно бросивших работу, а также уволенных за прогулы и другие поступки лишали от 5 до 15 дней права устроиться на работу со снятием с пайка, в том числе и для членов их семей. По истечении срока взыскания их направляли на более тяжелые работы, но менее оплачиваемые со снижением пайка до 400 грамм. Снижение пайка до 300 грамм грозило тем, кто плохо справлялся с производственными заданиями по причине «лодырничества» и «лентяйства». Такая же норма была у тех, кто временно не работал по каким-либо причинам. Экономия хлеба, полученная за счет удержания с пайков прогульщиков, поступала в распоряжение заведующих шахт и руководителей предприятий для индивидуального премирования ударников из числа спецпереселенцев. Особо злостные прогульщики привлекались к судебной ответственности по линии ОГПУ вплоть до направления в ГУЛАГ [21. Л. 1].

Для точного учета трудовой деятельности спецпереселенцев в системе треста был создан специальный штат контролеров по учету их выхода на работу. Данные сведения передавались комендантам поселков, которые в свою очередь информировали сотрудников ларьков с целью прекратить отпуск продуктов рабочим и членам их семей, не вышедшим на работу. В связи с этим хлеб выдавался только на следующий день после выхода на работу. Такая система ставила в жесткую зависимость «благополучие» спецпереселенцев от их трудовой деятельности.

В результате подобных действий спецконтингенту было четко дано понять, что труд во благо индустриализации был единственным условием получения питания от государства. Увольнение или болезнь для спецпереселенцев, по сути, означали остаться без питания. Поощрялся ударный труд, шла серьезная борьба с текучестью и прогулами, в том числе при помощи ограничений в питании. В целом подобная ситуация приводила к росту числа ослабевших, выбывающих из строя

рабочего контингента, а также резко увеличивала число заболевших и смертность.

Количество высланных спецпереселенцев и уровень их смертности в рамках Карагандинского угольного бассейна до последнего времени был вопросом дискуссионным. Ввиду отсутствия архивной источниковой базы основные работы по данной теме в период перестройки носили больше псевдонаучный характер. Следует согласиться с В.Н. Земсковым, что «скудость конкретно исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной самодельной статистикой жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своим гигантизмом и всякого рода обобщениями и выводами эмоционального характера» [3. С. 7]. Однако, принимая во внимание все вышесказанное, следует отметить, что условия, в которых оказалась данная группа населения, способствовали их постепенному вымиранию.

Если в 1931 г. спецпереселенцев Карагандинской райкомендатуры было около 60 тыс., то на конец лета 1933 г. – 40 788 человек (из них детей 14 252 человека). За два года фактически на треть произошла убыль данного населения. Более 12% (4 985 человек) контингента спецпереселенцев в 1933 г. были освобождены от трудовой деятельности по причине инвалидности, истощения и заболеваний [22. Л. 4]. За первое полугодие 1933 г. число освобожденных от работы больных по угольному тресту возросло с 2 до 6%, а число шахтеров спецпереселенцев снизилось с 3 088 до 1 944 человек [23. Л. 56].

Поскольку истощенные спецпереселенцы в силу состояния здоровья не могли полностью выработать производственную норму, то они получали меньше продовольствия. В свою очередь недостаточное питание окончательно ослабляло их организм, порождая различные заболевания и в результате преждевременную смерть. Такой замкнутый круг оказался губительным для основной массы спецпереселенцев. В 1933 г. практически ежемесячно умирали более одной тысячи человек [24. Л. 29]. При этом смертность мужчин вплоть до мая (до организации дополнительного диетического питания) была почти в два раза выше, чем у женщин (2 541 и 1 476 человек соответственно).

После организации ОГПУ дополнительного питания для истощенных рабочих (3 000 диетических обедов) смертность начала постепенно снижаться, что явно доказывало недостаточность калорийности продпайка. Так, по расчетам сотрудников ОГПУ, основная масса работающих спецпереселенцев карагандинских спецпоселков получала 1 525 калорий в день и 900 калорий на иждивенцев, что «являлось ниже потребности организма, находящегося в состоянии покоя». Тяжелые условия труда и недостаточное питание приводили к резкому сокращению численности рабочего населения. Смертность среди спецпереселенцев угольного бассейна превышала смертность в сельскохозяйственных спецпоселках Осакаровского района, где за первое по-

лугодие она составляла 8,9% против 15,7% по угольному бассейну, а освобождение от работ составляло 0,9% вместо 6% по тресту [23. Л. 57]. Только в 1935 г. впервые в Казахстане было отмечено среди спецпереселенцев превышение рождаемости над смертностью. В 1932 г. спецпереселенцев умерло в 12,2 раза больше, чем родилось. В 1933 г. такое соотношение увеличилось до 15,5 раза, что было вызвано голодом, обусловленным неурожаем и бесчеловечной политикой государства, которое отобрало у населения весь урожай [10. С. 99].

Под воздействием такого положения маятник отношения власти к спецпереселенцам в 1933 г. качнулся в обратную сторону. Вряд ли само по себе негативное положение спецпереселенцев заставило промышленные наркоматы, которые до этого игнорировали улучшение социально-бытовых условий спецпереселенцев, изменить ситуацию. Здесь необходимо согласиться с В.Н. Земсковым, что на смену понимания в нескончаемости данного вида трудового ресурса к середине 1930-х гг. пришло осознание, «что в перспективе поступление новых значительных контингентов спецпереселенцев не предвидится». В свою очередь это заставило промышленные наркоматы «проявить заинтересованность в выживании имеющейся в наличии спецпереселенческой рабсилы» [3. С. 35].

За положением спецконтингента в угольном бассейне внимательно следили из центра. Председателям Казахстанской краевой КК РКИ Егорову и Карагандинской областной КК РКИ Татимову 25 августа 1933 г. было отправлено письмо за подписью НК РКИ СССР Я.Э. Рудзутака. В документе отмечалось крайне напряженное положение спецпереселенцев в регионе. Местным органам ставилось в вину тяжелое положение со снабжением и бытовыми условиями контингента. Заболевших спецпереселенцев постоянно увольняли с лишением права на паек, систематически задерживалась выдача продовольственных карточек, не все иждивенцы обеспечивались пайком. Отмечалось отсутствие ремонта в домах спецпереселенцев, не решался вопрос с водообеспечением и постройкой уборных, больницы не снабжались продовольствием. Все это, по мнению наркома, резко повысило заболеваемость и смертность среди спецпереселенцев. Предлагалось привлечь виновных к ответственности и устранить имеющиеся ненормальности в обслуживании спецпереселенцев [25. Л. 45].

Снабжение контингента в период голода (1932–1933 гг.) и значительного дефицита продуктов имело серьезные трудности, которые отмечали местные партийные и контрольные органы. По-прежнему крайне неудовлетворительно работали снабжающие организации, которые не сумели правильно организовать распределение получаемых ими фондов, определить точное количество снабжающихся в каждой группе. Постоянно происходили задержки в выдаче продуктов, которые к тому же отпускались не в полном объеме. В

спецпоселке № 21 ввиду несвоевременной выдачи продкарточек 1 431 спецпереселенец в течение трех дней оставался без хлеба. Целым группам рабочих и их иждивенцам задерживалась выдача продкарточек до 10 дней. Из-за отсутствия муки на складах спецкоопторга 25 и 26 июля 1933 г. не были обеспечены хлебом 800 человек [26. Л. 60]. В условиях ограниченности фондов спецпереселенцам понижали нормы пайка до 300 грамм на рабочего, снижался контингент иждивенцев. Подтверждались данные о снятии со снабжения больных и временно утративших трудоспособность рабочих спецпереселенцев. Не была организована сеть продовольственных ларьков для рабочих на спецпоселках. Неудовлетворительно обстояло дело по самозаготовкам овощей. В связи с создавшимся тяжелым положением наблюдалась массовая посылка спецпереселенцами писем родственникам и знакомым с просьбой о помощи и спасении от смерти. Письма подобного содержания посылали и на имя партийной верхушки [27. С. 194–228].

Действия властей приводили к недовольству среди спецпереселенцев, высказывания которых фиксировали сотрудники ОГПУ: «Когда же, наконец, перестанут издеваться над нами, заставлять голодных работать и ждать милости в виде кусочка хлеба», «торгуют разными отбросами, этим свиней раньше не кормили, а теперь народ покупает и кушает, платя бешеные деньги». Порой высказывания носили откровенно антигосударственный характер, направленный на свержение советской власти: «... разбудить от спячки православных... и повести борьбу с Советской властью», «нужно как можно скорее покончить с этой проклятой властью», «избавимся от нее лишь тогда, когда народ восстанет против этой проклятой власти» [26. Л. 62]. Подобные высказывания выражали, прежде всего, их эмоциональное состояние. Такие призывы, как правило, не приводили к каким-либо организованным действиям, направленным против советской власти. Спецпереселенцы вынуждены были продолжать нести свою трудовую повинность.

В начале 1930-х гг. серьезной проблемой было неэффективное использование спецпереселенцев в деятельности треста. В сентябрьском постановлении 1933 г. объединенное заседание бюро Карагандинского обкома ВКП(б) и президиума областной КК ВКП(б) вынуждено было в резкой форме указать руководству треста на абсолютно «хищническое» отношение к спецпереселенцам, которое приводило к большим потерям среди них. Существующая организация труда приводила к тому, что треть рабочих спецпереселенцев получали чрезвычайно низкую заработную плату – не выше 80 руб. в месяц, а на отдельных участках совхоза треста сотрудники и вовсе зарабатывали 17 копеек в день. Крайне низкий заработок отягощался несвоевременной его выплатой. Так, долг угольного треста по зарплате спецпереселенцам на конец лета 1933 г. составил 400 тыс. рублей, к середине осени – 216 тыс.

рублей при систематической задолженности за два месяца. Треть семей спецпереселенцев получали мизерную заработную плату до 30 руб. и не могли без изменения ситуации со стороны власти выжить. Другая треть семей, заработок которых колебался от 31 до 75 руб., еле сводили концы с концами, находясь в весьма напряженном положении. Малейшие перебои в выплате зарплаты толкали их в разряд первой группы. В исключительно тяжелом положении находились 8% семей, абсолютно не имеющих заработка [23. Л. 58]. Их положение объяснялось тем, что для угольного треста как для работодателя они утратили всякую ценность.

В результате сотрудниками ОГПУ в голодные 1932–1933 гг. были зафиксированы случаи употребления в пищу спецпереселенцами трупов животных, диких растений и кож, снятых с павших животных. Часть спецпереселенцев была «близка к людоедству (зарегистрированы случаи)» [23. Л. 59].

Организованное дополнительное диетическое питание с мая 1933 г. для 3 000 обессиленных спецпереселенцев несколько облегчило ситуацию. Однако это было сделано только с одной прагматичной целью – дальнейшего использования рабочей силы. Уже в августе на заседании бюро горкома партии рассматривался вопрос об использовании слабосильных спецпереселенцев, находящихся на диетпитании. В результате контингент был разделен на три категории: слабосильные, подлежащие освобождению от работы; ко второй категории были отнесены люди, которым позволили работать по сокращенному рабочему дню; в отношении третьей группы «наиболее окрепших» было принято решение перебросить их на строительство водоканала [28. Л. 77]. Таким образом, труд спецпереселенцев для государства был единственной причиной для поддержания данного населения. Руководители государства смотрели на человека исключительно как на рабсилу.

На условия жизни спецпереселенцев оказывало также влияние качество их бытового обслуживания. Сеть бань, прачечных и дезокамер только наполовину обеспечивала действительную потребность. В каждом спецпоселке было по две бани, располагавшихся в саманном здании, с разовой пропускной способностью 60–80 человек. Этого было явно недостаточно, требовалось построить дополнительные капитальные каменные бани, чтобы обеспечить трехкратный пропуск в месяц всего населения. К 1933 г. все имеющиеся бани требовали текущего, а некоторые капитального ремонта. В том же состоянии находились и дезокамеры [22. Л. 5].

Медицинская сеть, обслуживающая спецпереселенцев, в 1933 г. состояла из трех больниц с 245 койками, расположенными в стандартных домах. Каждый такой дом вмещал 15–20 коек, в них были развернуты операционные, родильные и глазные отделения. В больницах работали 8 врачей. Основной контингент в них составляли больные с желудочно-кишечными заболеваниями и истощенные. Деятельность медицинской сети, распо-

ложенной в саманных и стандартных домах, не обеспечивала нормального обслуживания населения [29. Л. 1]. По-прежнему оставались проблемы со снабжением больниц продовольствием.

Дома, в которых проживали спецпереселенцы, требовали капитального ремонта. В них неудовлетворительно работали печи, оконные рамы и двери были испорчены, в некоторых домах были выбиты стекла. Это были пятиквартирные домики с отдельной комнатой для каждой семьи, средняя площадь на одного человека в них не превышала 3 кв. м. В самом поселке отсутствовали уборные, мусорные ямы, не было налажено водоснабжение. Вода части колодцев была загрязнена, при лабораторном исследовании там были обнаружены кишечные бактерии [22. Л. 5]. В поселках сложилась антисанитарная обстановка, что способствовало развитию эпидемий.

Вина за удручающее положение спецпереселенцев легла на первых руководителей региона. За допущение плохой организации снабжения и культурно-бытового обслуживания и за «безразличное отношение ко всем творящимся безобразиям по отношению к спецпереселенцам» были освобождены от занимаемых должностей секретарь Карагандинского горкома Гумен и председатель КК Амиров [30. Л. 76]. Безусловно, в ряде случаев не стоит отрицать вину руководства, но не будем забывать и об объективно существующих причинах. Для начала 1930-х гг. были характерны общие трудности с продовольствием. К этому следует добавить постоянный дефицит строительных материалов, не позволявший на должном уровне решить жилищный вопрос, слабая развитость медицинского обслуживания в связи с отсутствием медицинского персонала и медикаментов. Все эти проблемы были общими и касались всех жителей региона, в том числе и спецконтингента.

К 1934 г. основной контингент спецпереселенцев в Карагандинском угольном бассейне был сформирован. Выселение в регион людей продолжалось и позже, однако основная масса спецпереселенцев прибыла в годы первой пятилетки.

Итак, в период начала освоения угольного бассейна основную рабочую силу составили спецпереселенцы. Их социально-бытовые условия в первой половине 1930-х гг. можно охарактеризовать как нечеловеческие, что привело к серьезным демографическим потерям среди данной группы населения. Сама проблема выселения кулачества из идеологической плоскости со временем перешла в более практическую область. В этом, на наш взгляд, надо усматривать изменение формулировки «спецпереселенцы» в первые годы выселения на «трудпоселенцы» в последующие. Постепенно изменялось отношение власти к спецпереселенцам от «врагов народа», которых подвергли «кулацкой ссылке», к пониманию, что это основная рабочая сила, которой требуется соответствующее внимание для поддержания ее трудоспособности. В связи с этим в поле зрения власти оказались социально-бытовые и трудовые условия

спецпереселенцев. От местных руководителей требовали навести порядок и улучшить состояние спецконтингента. Однако очевидно, что такое внимание диктова-

лось исключительно опасением за сохранность основной рабочей силы и выполнение программы промышленного освоения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жангутин Б. Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е годы: численность и состав // Отан тарихы. 2001. № 3.
2. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003.
3. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М.: Наука, 2003.
4. Сведения о контингенте спецпереселенцев Карагандинского района на 20.12.1931 г. // Государственный архив Карагандинской области. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 15.
5. Доклад бригады Центросоюза «О состоянии работы Карагандинской кооперации в связи с реализацией постановления Октябрьского пленума ЦК ВКП(б)» от 29.01.1932 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 12.
6. Отчет треста за 1932 г. // ГАКО. Ф. 341. Оп. 14. Д. 2.
7. Сведения о наличии рабочих по Карагандинскому угольному бассейну на 01.01.1934 г. // ГАКО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 136.
8. Отчет треста за 1934 г. // ГАКО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 136.
9. Жангутин Б. Статус и правовое положение спецпереселенцев в Казахстане в 1930-е гг. (по архивным документам НКВД) // Отан тарихы. 2001. № 2.
10. Жангутин Б. Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е годы: численность и состав // Отан тарихы. 2001. № 3.
11. Докладная записка коменданта Компанейского поселка в Карагандинский райком ВКП(б) от 29.08.1931 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 19.
12. Докладная записка коменданта Пришахтинского поселка в Карагандинский райком ВКП(б) от 30.08.1931 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 19.
13. Информационный доклад коменданта Тихоновского поселка «О строительстве Тихоновского поселка спецпереселенцев» в Карагандинский райком ВКП(б) от 01.09.1931 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 19.
14. Телеграмма Карагандинского райкома ВКП(б) «О ходе строительства спецпереселенческих поселков» от 11.09.1931 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 10.
15. Докладная записка коменданта поселка Май-Кудук в Карагандинский райком ВКП(б) от 29.08.1931 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 19.
16. Докладная записка // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 59.
17. Справка «О культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев на поселках и предприятиях треста «Караганда» от 10.09.1933 г. // ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 77.
18. Протокол совещания при Управлении профилактическими центрами Наркомздрава КАССР «По вопросу о срочных мероприятиях по борьбе с брюшным тифом в районе г. Караганды» от 26.08.1931 г. // ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1.
19. Протокол закрытого заседания Бюро Карагандинского Горкома ВКП(б) «О спецпереселенцах» от 25.01.1933 г. // ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44.
20. Протокол объединенного заседания Бюро Карагандинского Горкома ВКП(б) и Президиума КК РКИ г. Караганды от 15.08.1932 г. // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 4224.
21. Протокол заседания Бюро Карагандинского Горкома ВКП(б) «Об укреплении трудовой дисциплины среди рабочих из спецпереселенцев и о порядке их продовольственного снабжения» от 01.01.1933 г. // ГАКО. Ф. 3 п. Оп. 1. Д. 44.
22. Акт обследования бытовых и трудовых условий рабочих спецпереселенцев треста «Караганда» и остального контингента спецпереселенцев Карагандинского района от 29.08.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 648.
23. Докладная записка ПП ОГПУ в КАССР «О положении спецпереселенцев, работающих в тресте «Караганда» от 11.09.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 725.
24. Письмо представителя ПП ОГПУ в КАССР Каруцкого В.И. директору треста «Караганда» Горбачеву К.О. от 07.06.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 726. Оп. 4.
25. Письмо НК РКИ СССР Рудзутака от 25.08.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 725.
26. Спецсообщение № 8 ПП ОГПУ в КАССР «О недоточках в снабжении спецпереселенцев г. Караганды и продолжающейся смертности» от 22.08.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675.
27. Неизвестная Россия. XX век. М.: Ист. наследие, 1992.
28. Выписка из Протокола № 43 заседания Бюро Горкома ВКП(б) «Об использовании слабосильных спецпереселенцев, находящихся на диетпитании» от 14.07.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 725.
29. Протокол совещания при тресте «Караганда» «По вопросу о бытовых и трудовых условиях спецпереселенцев» от 29.08.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 648.
30. Приложение к Протоколу № 224 от 21.11.1933 г. // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 725.

Kim Maxim Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: max198210@yandex.ru.

THE SOCIAL AND LIVING CONDITIONS OF SPETSPERESELENTSY IN KARAGANDA COAL BASIN IN 1930s.

Keywords: spetspereselentsy; Karaganda coal basin; industrialization; medicine; meal; living conditions.

The article is devoted to the social and living conditions of the spetspereselentsy. Their number and living conditions, medical and cultural facilities, meals conditions are presented here. The daily life of a spetspereselentsy's settlement is considered. On the basis of OGPU's documents, the attitude of the spetspereselentsy to the new life conditions is shown. The article also observes the attitude of the government to this category of population which was changing during the period concerned. The development of Karaganda coal basin during the period of forced industrialization in the 1930s required a considerable concentration of labor force in the region. The government was not able to provide the region with necessary staff for labor-intensive coal industry. Under conditions of persistent food deficiency, lack of civilized housing and full medical facilities, there were few people wishing to stay in Karaganda region. The forced labor was used as the way out. In the beginning of the 1930s, the government started the process of the eviction of dekulakized peasants from central parts of the country. Kazakhstan was defined as one of the places of kulak deportation. The deportation of the great mass of people to Central Kazakhstan pursued a concrete purpose – the development of poorly settled regions in the east of the country. As a rule, people were unloaded in the bare steppe where they had to settle relying on their own strength only. By 1934, the basic contingent of the spetspereselentsy in Karaganda coal basin was formed. The deportation of people to this region continued later as well, however, the major mass of the spetspereselentsy arrived here during the period of the first Five-Year Plan. During the period of the development of Karaganda coal basin, the spetspereselentsy were the main labor force. Their social and living conditions in the first half of the 1930s can be described as subhuman what led to a serious demographic loss among this group of people. In the course of time, the problem of

kulaks' deportation turned from ideological area to the practical. In our opinion, this was the reason why the expression «spetspereselentsy» during the first years of deportation changed later to «trudpereselentsy». Gradually, the government changed its attitude to spetspereselentsy and stopped regarding them as the «enemies of the people» subject to the kulaks' deportation. They realized that spetspereselentsy were the main labor force who required the proper care for maintaining their work ability. As a result, the government focused on socio-cultural and work conditions of the spetspereselentsy. Local authorities were required to maintain order and improve the conditions of the spetscontingent. However, it is obvious that such care was caused only by the fear of losing the main labor force for fulfilling the program of the industrial development of the region.

REFERENCES

1. Zhangutin B. Vynuzhennyye migranty v Kazakhstane v 1930-e gody: chislennost' i sostav [Forced migrants in Kazakhstan in the 1930s: the number and population]. *Otan tarihy*, 2001, no. 3.
2. Lubyanka. Stalin and the Cheka-GPU-NKVD. Stalin's archive. Documents of the Party and Government Supreme Bodies. January 1922 – December 1936. Moscow, 2003. (In Russian).
3. Zemskov V.N. *Spetsposelentsy v SSSR: 1930–1960* [Special settlers in the USSR: 1930–1960]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 304 p.
4. Information on the contingent of special settlers in Karaganda Region as of 20th December 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3. List 1. File 15. (In Russian).
5. The reports of the Central Union brigade “On cooperation in Karaganda Region in connection with the Implementation of the October Plenum of the All-Union Communist Party Central Committee of Bolsheviks” dated by 29th January 1932. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3 n. List 1. File 12. (In Russian).
6. The Trust's report for 1932. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 341. List 14. File 2. (In Russian).
7. Data on workers in the Karaganda coal basin on 1st January 1934. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 341. List 1. File 136. (In Russian).
8. The Trust's report for 1934. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 341. List 1. File 136. (In Russian).
9. Zhangutin B. Status i pravovoe polozhenie spetspereselentsev v Kazakhstane v 1930-e gg. (po arkhivnym dokumentam NKVD) [The legal status of special settlers in Kazakhstan in 1930 (Based on archival documents of the NKVD)]. *Otan Tarihy*, 2001, no. 2.
10. Zhangutin B. Vynuzhennyye migranty v Kazakhstane v 1930-e gody: chislennost' i sostav [Forced migrants in Kazakhstan in the 1930s: the number and population]. *Otan tarihy*, 2001, no. 3.
11. Memorandum of Kompaneyskiy village Commandant to the All-Union Communist Party of Bolsheviks District Committee of Karaganda of 29th August 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3 n. List 1. File 19. (In Russian).
12. Memorandum of Prishatinskiy Village Commandant to the All-Union Communist Party of Bolsheviks District Committee of Karaganda of 30th August 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3 n. List 1. File 19. (In Russian).
13. Information Report of Tikhonovskiy Village Commandant “On the Construction of Tikhonovskiy Village for special settlers” in Karaganda All-Union Communist Party of Bolsheviks Regional Committee on 9th January 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3 List 1. File 19. (In Russian).
14. The Telegram of the Karaganda All-Union Communist Party of Bolsheviks Regional Committee “On the Course of Construction Special Settlers Settlements” on 9th September 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3 List 1 File 10. (In Russian).
15. Memorandum of May-Kuduk Village Commandant to the All-Union Communist Party of Bolsheviks District Committee of Karaganda of 29th August 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3. List 1. File 19. (In Russian).
16. Memorandum. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 3. List 1. File 59. (In Russian).
17. The note “On cultural and general service for special settlers in Karaganda Trust's Settlements and Enterprises” on 10th September 1933. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 15. List 1. File 77. (In Russian).
18. The Minutes of the Meeting at the Office of KASSR Public Health Service People's Commissariat of prophylactic centers “On the issue of urgent action to combat typhoid near Karaganda” from 26th August 1931. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 13. List 1. File 1. (In Russian).
19. Protocol of the closed meeting of Karaganda City Committee Bureau of All-Union Communist Party of Bolsheviks “On special settlers” of 25th January 1933. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 13. List 1. File 44. (In Russian).
20. Protocol of the joint session of Karaganda City Committee Bureau of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Presidium of the Worker's-Peasant's Inspectorate Control Commission of Karaganda of 15th August 1932. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 141. List 1. File 4224. (In Russian).
21. Protocol of the Meeting of Karaganda City Committee Bureau of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the strengthening of the labor discipline among the special settlers and their food supply” on 1st January 1933. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 13. List 1. File 44. (In Russian).
22. Act of the Household and Labor Conditions Inspection of the special settlers working at “Karaganda” Trust and the rest special settlers of the Karaganda Region on 29th August 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 648. (In Russian).
23. Memorandum of joint state Political Administration in KASSR “On the state of the special settlers working in the trust “Karaganda” of 11th September 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 725. (In Russian).
24. Letter from the representative of Joint State Political Administration in KASSR Karutskiy V.I. to the Director of the trust “Karaganda” Gorbachev K.O. of 7th June 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 726. List 4. (In Russian).
25. Letter from People's Commissar of Workers'-Peasants' Inspectorate of the USSR Rudzutak of 25th August 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 725. (In Russian).
26. Special report no. 8 of Joint State Political Administration in KASSR “On defects in supplying special settlers in Karaganda and continuing mortality” of 22nd August 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 675. (In Russian).
27. *Neizvestnaya Rossiya. XX vek* [Unknown Russia. The 20th century]. Moscow: Istoricheskoe nasledie Publ., 1992.
28. Abstract from the minutes of meeting no. 43 of the Municipal Committee Bureau of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the use of feeble special settlers who need diet nutrition” of 14th July 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 725. (In Russian).
29. Minutes of the meeting at the trust “Karaganda” “On the issue of domestic and labor conditions of the special settlers” of 29th August 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 648. (In Russian).
30. Annex to Protocol no. 224 of 21st November 1933. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 719. List 4. File 725. (In Russian).